

возможность творческого выбора. Стремление воспользоваться этой возможностью — основная для данной эпохи культурная интенция, связанная с представлением о национальном идеале.

Сегодняшняя парадигма знания и изучения художественного творчества выводит исследователя на путь эклектики, однако объект по-прежнему остается неизменным — это человек. В этом отношении Уральский рукописный сборник песен начала XIX в. представляется одним из лучших объектов для исследования человека и его социальной, этнической и культурной самоидентификации.

Литература

1. Гилмор Д. Д. Становление мужественности: культурные концепты маскулинности. М., 2005.
2. История и культурология / Н. В. Шишова, Т. В. Акулич, М. И. Бойко и др. ; под ред. Н. В. Шишовой. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2004.
3. Кардапольцева В. Н. Женские лики России. Екатеринбург, 2000.
4. Мужики и бабы. Мужское и женское в русской традиционной культуре / Д. А. Баранов, О. Г. Баранова, Т. А. Зимина и др. СПб., 2005.
5. Поздеев В. А. «Третья культура»: проблемы формирования и эстетики. М., 2000.
6. Свенцицкий А. Л. Социальная психология. М., 2003.
7. Сперанский М. Н. Рукописные сборники XVIII века. М., 1963.
8. Уральский рукописный сборник. [1814] // ОРК СОУНБ им. Белинского. № 375380. Сборник песен 4 ° (210/216 на 160/170 мм). 121 л.

Е. Е. Приказчикова

Екатеринбург

Национальные вопросы в творчестве Н. Дуровой

Интерес к национальной тематике возник в русской литературе еще в конце XVIII в., начиная с «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина, в которых автор воссоздавал культурные мирозобразы различных европейских стран. В первой трети XIX в. при изображении народностей, населяющих территорию Российской империи, преобладала традиция этнографизма, национального бытописания, часто включающего в себя введение элементов национальной мифологии и легенд. К этому моменту складываются предпосылки для появления в литературе так называемого «национального вопроса», под которым понимается обычно совокупность политических, экономических, территориальных, правовых, идеологических и культурных отношений между нациями.

В творчестве Н. А. Дуровой национальный вопрос занимает одно из ведущих мест. Во многом причина этого заключается в особенности творческого

пути писательницы. За время своей жизни в Сарапуле и Елабуге, а также в годы военной службы она достаточно близко познакомилась с национальными обычаями и менталитетом многих народностей (черемисы, цыгане, евреи, татары), что нашло отражение в ее художественном творчестве: повестях «Серный ключ», «Ярчук — собака-духовидец», «Клад», «Нурмека. Происшествие, случившееся в царствование Иоанна Васильевича Грозного, вскоре после покорения Казани». При этом быт и нравы собственно россиян в творчестве Дуровой отражения не получили.

Уровень разработки каждой из национальных тем у Дуровой различен. Так, в «Серном ключе» с его черемисским дискурсом четко противопоставляется историко-этнографический пласт, где идет повествование о своеобразии национального быта и нравов черемисов с их «природной меланхолией», и сентиментальный сюжет о «черемисском Аполлоне» Дукморе и прекрасной Зеиле. Последний сюжет вполне интернационален по своей природе. Исследовательнице XIX в. Е. Некрасовой главная героиня «больше напоминает Офелию или Джульетту Шекспира, чем черемисскую девушку» [5, с. 603]. Собственно черемисский дискурс ограничивается введением мифологических представлений мансийцев о грозном Керемете, божестве зла, часто принимающем облик огромного медведя.

Цыганский вопрос рассматривается Дуровой частично в русле того этнографического романтизма, основоположником которого в Европе был П. Мериме с его «Кармен», олицетворяющей собой свободный мир цыганского табора. В повести Дуровой «Ярчук — собака-духовидец» этот мотив осложняется присутствием в тексте гофмановских мотивов, связанных с поэтикой двоемирия и тайной чудесного портрета цыганки Мариолы. Дочь погибшего от руки завистников «цыганского короля», она в течение нескольких лет принимает участие в тайных ритуалах цыганок-ведьм на чудесной поляне, где они варят «адское зелье» — яды, продаваемые за большие деньги богатым и знатным жителям Богемии. После того как Мариола становится супругой барона Рейнгофа, которого она спасает от безумия и возможной смерти, перед ним закрываются двери высшего света. Столетняя цыганка Хаида на суде над цыганками-отравительницами смело заявляет, что цыгане занимаются изготовлением ядов исключительно из-за запросов высшего богемского общества, стремящегося с их помощью решить множество собственных проблем, например, добыть себе наследство. В то же время родоначальник цыган-травников Керим предпочитал использовать свое искусство для приготовления лекарств, возвращающих людям ушедшую молодость.

В «Ярчуке» Дурова смело разоблачает предрассудки, связанные с цыганским племенем, выступая в защиту традиционно маргинального народа. При этом цыган она не идеализирует. Мариола осталась сиротой из-за происков самих же цыган из табора, завидующих ее отцу — необыкновенному красавцу, с которым «никто не мог равняться... в управлении хором поющих и в пляске с саблею в руках» [3, с. 128].

Другим маргинальным народом, жизнь и быт которого нашли отражение в повести «Клад», были евреи. С одной стороны, как и в случае с цыганами,

еврейский дискурс наполнен мистикой, связанной на этот раз с каббалистом Самуилом, чья чудесная книга определяет судьбу рода Иохая, прежде всего его внуков-близнецов Лилло и Горгони. Однако Дурова стремится уравновесить суеверный страх обывателей перед каббалой рассказом о повседневном быте евреев, из которого читатель узнает о любимом кушанье еврейской кухни кугеле, о специфике деятельности еврейской общины кагале, о дне шаббате, от которого идет отсчет еврейской недели, и т. д. Конечно, предрассудки относительно национального характера евреев в повести остаются. Так, комментируя желание Иохая покончить жизнь самоубийством, когда он оказался в страшной бедности, Дурова замечает: «Как ни отчаянно было его положение, но еврей все еврей! Робок, боязлив, страшится боли, ужасается муки» [1, с. 90].

Тем не менее нельзя не отметить гуманизм писательницы, ее национальную толерантность при изображении евреев, по отношению к которым у нее полностью отсутствуют обычные христианские предрассудки, нашедшие отражение в Европе XIX в. в сказке «Еврей в терновнике» братьев Grimm. В повести Дуровой ставятся общегуманистические вопросы о равенстве всех наций и религий, кем бы ни были их представители: татарами, евреями, поляками-католиками. Именно забвение последнего принципа о естественном равенстве людей вне зависимости от их национального происхождения ведет человека к одичанию, к потере им человеческого облика, как это случилось с благородным разбойником, татарским Ринальдо Ринальдини, Гаметом. Гамет — сын своего времени, и он полон национальных предрассудков. Союз своей выросшей приемной дочери Ребекки, еврейки, с собственным сыном Рашидом он воспринимает как несмыслимый позор для себя, татарина, так как «его кровь, пылкая, огненная кровь татарина смешалась теперь с кровью подлого, презренного племени! Жидовка будет матерью внуков Гаметовых» [1, с. 182].

Национальные предрассудки, принявшие у него вид навязчивой идеи, приводят в конечном счете к полной моральной деградации героя. Ненависть, возникшая у него к «нечистым» внукам, распространяется на весь мир, превращая его сначала в бесчеловечного злодея, а после смерти — в страшный призрак, который в полночь является на могиле своей жены Зухры. В результате в сознании большинства людей предание о разбойнике Гамете переосмысливается в легенду о кровавом нечестивце, продавшем душу дьяволу в обмен на обещание охранять его скровища.

Значительного внимания Дурова удостила в своем творчестве представителей мусульманского мира, прежде всего татар. Это легко объяснить, учитывая тот факт, что всю свою жизнь она прожила на территории, где процент татарского населения очень высок. Писательница с большим уважением относилась к татарской культуре, включая их религиозные представления.

Так, в повести с жесткой гендерной проблематикой «Елена, Т-ская красавица» появляется образ провинциальной дворянки, красавицы Елены, разорвавшей отношения со своим недостойным мужем и умершей впоследствии от... алкоголизма. Любовь к мусульманину, татарскому князю Гамету, оказывается

для героини единственной возможностью сохранить себя как личность, что, безусловно, противоречит общепринятому мнению. Ведь для большинства жителей провинциального города страшный финал жизни Елены — справедливое наказание за любовь к «магометанину», нарушение церковных законов. В их понимании она — христианка, недостойная этого священного имени.

Напротив, у Дуровой татарский князь Д* Гамет — единственный абсолютно положительный герой повести, вызывающий безусловные симпатии читателей. Замечательный красавец, герой Отечественной войны 1812 г., награжденный за храбрость именным оружием, он гибнет от руки жестоких и корыстолюбивых братьев, ненавидевших его с самого момента рождения. Его образ всецело выдержан в традициях романтического моделирования действительности, характерного для творчества Дуровой в целом. Если бы не его безвременная, трагическая смерть, жизнь Елены была бы спасена.

Попытку проникнуть в культурный менталитет представителей мусульманского мира Дурова делает в исторической повести «Нурмека. Происшествие, случившееся в царствование Иоанна Васильевича Грозного, вскоре после покорения Казани» — единственным произведением писательницы, которое выходило в свет с цензурными затруднениями. Эти затруднения были обусловлены остротой поднимаемых в повести вопросов, связанных с освободительной борьбой казанских татар против Иоанна Грозного в XVI в.

Однако на первый план у Дуровой выходят не сами эпизоды этой борьбы, например нападение татар на казну Московского царя, но тайна, связанная с историей Нурмеки, дочери старой Кизбек, красавицы, которую мать поклялась отдать в жены тому из татарских витязей, кто доставит ей ключи от Казанского ханства. Дурова характеризует свою героиню Кизбек как «женщину жесткого сердца и неукротимого воинственного духа» [2, с. 387]. Ее образ как нельзя лучше соответствует тому типу женских образов русской литературы XIX в., который Ю. М. Лотман назвал героическим [4, с. 72]. В повести Дуровой героическая деятельная натура Кизбек противопоставлена пассивному образу ее мужа Ахмета, признавшего над собой власть московского царя.

Кизбек у Дуровой во многом является имперсонатором реального персонажа казанской истории царицы Сумбеки, прапраправнучки основателя династии Ногайской орды Идегея, супруги казанского хана Сафа-Гирея. Образ этой женщины, правительницы Казанского ханства, одной из немногих женщин, сумевших занять ханский престол, неоднократно появлялся в русской литературе, начиная с «Казанской истории» XVI в.

В 70-х гг. XVIII столетия образ Сумбеки становится одним из основных с татарской стороны в эпической поэме М. М. Хераскова «Россияда», на сюжет которой в 1807 г. С. Глинка написал поэму под названием «Сумбека, или Падение Казанского царства». Наконец, в 1832 г. на сцене Александринского театра в Петербурге был поставлен героико-романтический балет Ш. Дидло «Сумбека, или Покорение Казанского ханства», который должен был стать своеобразным патриотическим откликом на русско-турецкую войну 1828–1829 гг. Во всех этих

произведениях доминирующей оказывается идея внутреннего перерождения казанской царицы, которая полностью отрекается от своего безбожного прошлого, когда по ее приказу лились реки христианской крови, и готова принять христианство.

У Дуровой показана совсем иная ситуация, связанная с историей взаимоотношений казанских татар и московского царя. В финале ее повести выясняется, что Нурмека — миф, выдумка Кизбек. На самом деле в женском платье скрывается ее одиннадцатилетний сын Селим, а вся история сочинена лишь для того, чтобы заставить молодых татар выступить с оружием в руках за правое дело. Подобный обман стал возможен только благодаря специфике мусульманских обычаев, позволяющих закрывать лицо подрастающим девочкам плотным покрывалом.

Дурова не стремится в повести к строгому соблюдению исторической правды характеров, что становится неотъемлемой чертой исторической прозы 30-х гг. XIX в. Большинство татарских героев повести Дуровой по своему поведению, рефлексивному сознанию, строгим понятиям чести скорее напоминают образованных европейцев XIX в., чем татар XVI столетия. Так, Сулейман, равного которому «по красоте, силе и храбрости» [2, с. 387] не было среди татарских юношей, разрывается между любовью к Нурмеке и честью, запрещающей ему обнажить меч против ничего не подозревающих и исполняющих повеление своего начальства россиян, сопровождающих обоз с казной. Достойным оппонентом честному и благородному Сулейману является Рашид, младший из князей М*, человек, всецело вставший на сторону московского государя. Рашид знает о предстоящем нападении на обоз, которое должно стать сигналом к началу общего восстания татар, и готов защищать его вместе с солдатами русского царя, но считает ниже своего достоинства сообщить русским о готовящемся восстании.

В отличие от культурно-исторического менталитета эпохи, ее татарский «этнографический» колорит передан Дуровой в полной мере. Особенно очевидно это по сравнению с повестью «Серный ключ». Она любовно описывает быт татар, их семейные отношения, строгость мусульманских патриархальных нравов, ежегодные зеины (летне-осенние праздники) с пышными свадебными обрядами, сопровождаемыми выплатой огромных калымов, подробно останавливается на особенностях вооружения и одежды татарских витязей.

В конце повести восстание, поднятое Кизбек, терпит поражение. Большинство мятежников перебиты, в том числе все старшие сыновья Кизбек и претендент на руку Лженурмеки благородный Сулейман. Сама же Кизбек вместе с сыном Селимом и его возлюбленной Роксаленой спасается в непроходимой глуши лесов от мести Московского царя. Поэтому в густой чаще прикамских лесов, где находится татарское селение Токтары, и спустя даже три века можно найти камень над прахом Кизбек, не покоряющийся времени, который «служит эмблемою ее необыкновенного духа» [2, с. 458]. В результате под пером Дуровой жизнь казанских татар становится такой же легендарной, как жизнь татар сибирских в «Сказании о сибирском хане, старом Кучуме» (1898) Мамина-Сибиряка.

В целом, решая «национальные вопросы» в своих произведениях, Дурова во многом смогла преодолеть формирующиеся в 30-е гг. стереотипы восприятия различных наций, которые еще долго будут определять межнациональные отношения героев в произведениях русской литературы. Во многом это было обусловлено принципиальным отказом писательницы сравнивать представителей различных наций с русскими, как это происходило обычно. Как следствие, ей удается в своем творчестве предвосхитить теорию этносимволизма, представителем которого является известный британский историк Энтони Смит, предлагающий видеть в нации *transhistorical ideal type*, который может быть применен ко всем историческим периодам жизни нации, представители которой «разделяют и поддерживают общие мифы, воспоминания, символы, ценности и традиции, проживают на установленной территории и идентифицируют себя с нею, создают и распространяют определенную публичную культуру, соблюдают общие права и законы» [6, р. 19]. Герои художественных текстов Дуровой, к какой бы нации они ни принадлежали, обладают высоким уровнем национальной самоидентификации, основанием для которой действительно становятся общие мифы, воспоминания, символы, ценности и традиции, будь то вера в грозного Керемета черемисов, еврейская каббала, вера в Аллаха представителей мусульманской культуры. При этом писательница утверждает принципиальное равенство всех культурных оснований *transhistorical ideal type*, не отдавая предпочтения ни одному из них.

Литература

1. Дурова Н. А. Клад. Сочинения Александрова (Дуровой). СПб., 1840.
2. Дурова Н. А. Нурмека // Дурова Н. А. Избр. соч. / сост. О. А. Айкашева. Елабуга, 2013. С. 383–459.
3. Дурова Н. А. Ярчук — собака-духовидец // Фантастические повести : Дурова Н. А. Ярчук — собака-духовидец ; Одоевский В. Ф. Саламандра ; Толстой А. К. Упырь. Ижевск, 1991. С. 32–162.
4. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. СПб., 1994.
5. Некрасова Е. Надежда Андреевна Дурова // Исторический вестник. 1890. № 3. С. 585–612.
6. Smith A. D. Cultural Foundations of Nations: Hierarchy, Covenant and Republic. London, 2008.